

In Memoriam

Борис Останин

(1.10.1946, БАДА, ЧИТИНСКАЯ ОБЛАСТЬ —
22.09.2023, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

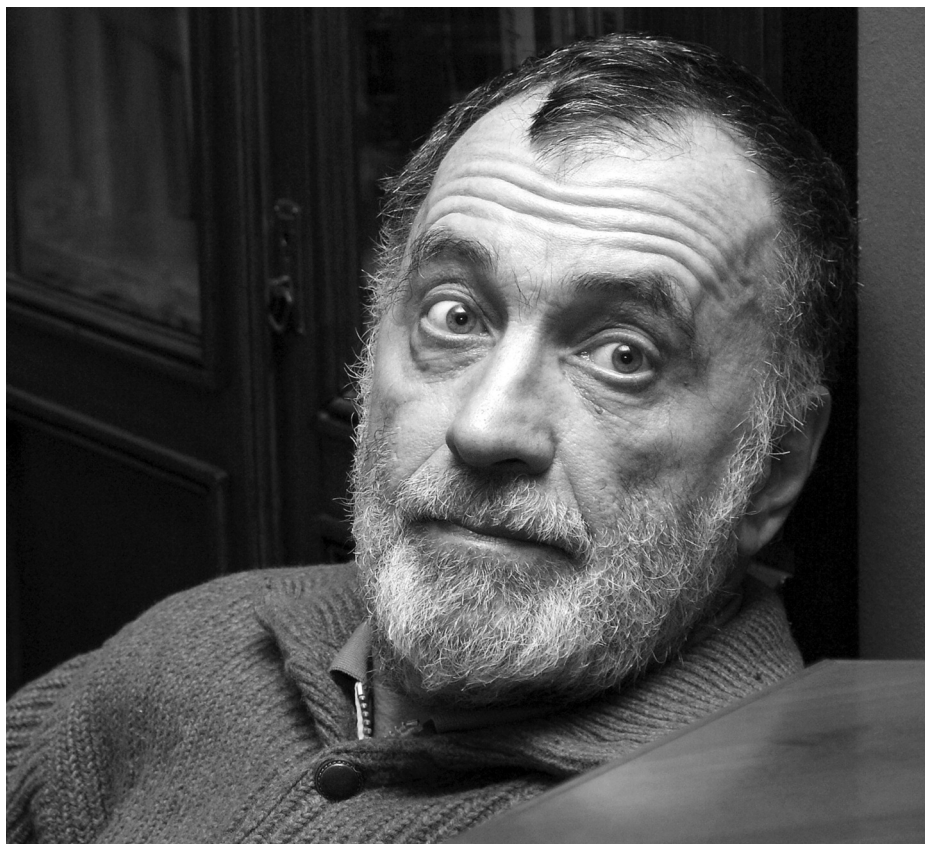

Фото Николая Симановского

Борис Констриктор

444-50-54

Помимо множества разнообразных занятий Борис Останин был еще и нумерологом. Может быть, сказалось математическое образование. Числа 37 и 27 были такими же константами его жизни, как облака, дождь или ветер. Он обнаруживал их всегда и везде. Номер домашнего телефона радовал его своим лаконизмом. Когда-то при нем я пошутил, что, если буду писать о нем воспоминания, озаглавлю их этим номером.

Шапочно знал Бориса чуть ли не всю жизнь, но ближе мы познакомились, когда издательство «Пальмира» (ранее «Амфора») нашло пристанище на Сестрорецкой улице, в двух шагах от моего дома.

Останин всегда приносил с собой некрупной вареной картошки, которую надо было поджарить, и очередную идею. В отличие от картошки, они были крупными и касались глобальных вопросов устройства как бытия, так и не...

Часто он приходил с корректурой очередной книги. Они стали выходить у него едва ли не каждый год. Оригинальные и не похожие в этой оригинальности одна на другую. То там не было пагинации, то выпускал двухтомник, состоящий из бесконечного числа кратких фраз, афоризмов-обрывков, воспоминаний и полуанекдотов.

Останин был не только автором книг, идей и редактором, переводчиком, но и инициатором (вместе с Борисом Ивановичем Ивановым) большого числа глобальных проектов. «Часы», Премия имени Андрея Белого, «Поэтическая функция» и т.д., и т.п.

Вместе с Александром Горноном в начале перестройки начали издавать журнал «Лабиринт/Эксцентр». Не самиздатский, а «настоящий», отпечатанный в типографии. Масштаб этой личности будет проступать постепенно, как одной из крупнейших фигур петербургской и не только культуры на рубеже тысячелетий.

Он был принципиальным бессребреником. Так, вдруг, по доброй воле, он отредактировал громадный словарь литераторов, узнав о его переиздании, и вручил испещренный поправками том его составителям. Его труды были проигнорированы.

А еще были семья, дети и жены. Возникшее на волне перестройки «Издательство Чернышова». И наверное, много чего еще другого, о чем я не знал или забыл.

Машина Останинского дара была рассчитана на много большие сроки, чем отвела ему судьба. Борис умер, не дожив нескольких дней до своего семидесятисемилетия.

Нумерология... В день, когда Борису был поставлен фатальный диагноз, вдруг обнаружили цифры на горшке с подаренной розой: 37.

Нашим постоянным мемориальным маршрутом было Волковское кладбище. Два раза в год, осенью и весной, мы отправлялись туда, чтобы прибраться на могилах Елены Шварц и Бориса Кудрякова. Третьим спутником был Кирилл Козырев. Это было долгое странствие по бескрайним просторам Волковского к двум лауреатам-пионерам Премии имени Андрея Белого.

В последние годы жизни Борис осуществил еще один свой многострадальный проект — открыл в арт-центре «Пушкинская, 10» библиотеку лауреатов этой премии. С такой идеей он носился долго, пытаясь найти угол для своего детища в самых разных инстанциях. И вдруг все срослось. Конечно, он был душой этой акции. Два дня в неделю, среду и четверг, с 16:00 до 20:00 он проводил там, разбираясь и регистрируя поступающие книжные дары. Незадолго до болезни установил, что издательство «Сирин», напечатавшее первый вариант «Петербурга» Андрея Белого, располагалось в доме на Пушкинской, 10. Он отыскал квартиру, где была редакция, и хотел отметить этот факт мемориальной доской во дворе арт-центра. В библиотеке же могла возникнуть интересная институция, если бы... И кто знает, что будет теперь.

Вообще у меня сложилось впечатление, что волны отечественной истории разбивались об Останина, как о крепкую скалу. Какую бы непогоду ни затевала Клио, Борис продолжал двигаться по тому маршруту, который наметил. Он был стойким. Или, как говорил его друг Сергей Ионов (оказавший неоценимую поддержку во время его болезни), он был солдат. Мужества Останину было не занимать. Знакомая врач, когда Борис был выписан из больницы домой, была поражена его силой воли, которая и позволила ему еще сколько-то жить и работать. Финал этой болезни был настолько кошмарен, что, когда мы сообщили о его кончине, она ответила потрясающей эсэмэской: «Молодец».

Такие люди, как Борис Останин, не должны умирать. Их эвристическому двигателю требуется более основательное вместилище, нежели человеческая жизнь.

Пётр Казарновский

Непрерывный пунктир

(ОБ ОСТАНИНЕ БОРИСЕ)

В самом начале 2000-х мне попала книга «Пунктиры», об авторе которой я только слышал. Несколькоими годами позже я его увидел и с ним познакомился: удивило, что он настаивал на только-имени и «ты» в обращении, — с первого же раза и безоглядно. Наверное, это должно было настораживать и подкупать одновременно — такой пунктир, каждая из черточек которого контрастирует с другими и предохранена от превращения в сплошную линию. Пунктир — мерцание, и наметка, и маршрут, и сторона шва с какой угодно стороны... «Пунктиры» Останина были по-розановски противоречивы и манящи, а их автор предстал странно ухмыляющимся соседом собственной книги. В Борисе, кажется, было развито какое-то странное чувство соседства, и он, пожалуй, многое делал из соображений добрососедства. Например, узнав, что моя мама заболела, он несколько раз заходил к ней — поиграть в карты, в дурачка... Это было по-настоящему трогательно, и усмехался он как-то стеснительно по-доброму.